

КОНЦЕПЦИЯ И СИСТЕМЫ

АКСИОЛОГИЧЕСКАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ А.С. МАКАРЕНКО

Меттини Э.
Аксиологическая
направленность
воспитательной системы
А.С. Макаренко
19 – 23

История школы № 656
им. А.С. Макаренко
24 – 27

Воспоминания о Макаренко
28 – 48

Макаренко А.С.
«Марш 30-го года». Фрагмент
главы «Первые дзержинцы»
49 – 51

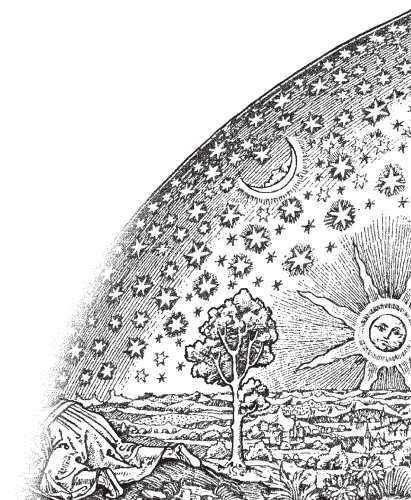
Э. МЕТТИНИ

В XX столетии *воспитательная система* А.С. Макаренко была признана мировой педагогической общественностью одной из самых успешных и ценностно-значимых. Эта сложная по своей структуре система была направлена на воспитание (перевоспитание) социально неблагополучных детей, подростков, юношей, которые попадали под категорию «беспризорных», «безнадзорных», «несовершеннолетних правонарушителей».

Заслугой А.С. Макаренко является то, что он одним из первых отечественных педагогов создал оригинальную и чрезвычайно успешную *педагогическую систему* в трудовых колониях для малолетних правонарушителей и беспризорников. В теоретических работах Антон Семёнович использует два понятия: «*педагогическая система*» и «*воспитательная система*». Учёные до сих пор пытаются разобраться в вопросе, почему А.С. Макаренко пользуется этими двумя понятиями, при этом исследователи его творчества указывают на то, что «педагогическая система» более широкое понятие, так как включает в себя процесс преподавания.

Наше исследование выявило, что в области преподавания у Антона Семёновича не было сомнений в том, что дореволюционная школа оставила хорошее наследие в области школьного обучения, но, по словам педагога, ничего не создала в области воспитания учащихся. Этот пробел А.С. Макаренко восполнил своей воспитательной практикой с малолетними правонарушителями и беспризорниками, глубоко осмысленной в теоретическом плане. Его главное достижение заключается в том, что он создал проверенную многолетней практикой эффективную *воспитательную систему*.

Исторически само понятие «воспитание» представляет собой очень сложный феномен, который должен соответствовать тем или иным духовным, политическим и социальным ориентирам,

существовавшим в различные исторические эпохи. Само понятие «воспитание», считал А.С. Макаренко, можно понимать в широком и в узком смысле слова. В широком смысле — воспитывает личность само общество, а в узком — воспитание представляет собой планомерное и целенаправленное воздействие родителей и школы на воспитанника. Цель воспитания (в узком смысле) — помочь ребёнку развить проявившиеся в процессе деятельности (учебной, трудовой) свои дарования или сдерживать негативные проявления своего характера.

Воспитание представляет собой целостный процесс, направленный на гармонизацию физических (телесных) данных и на духовные, психические стороны личности. Такой подход исторически оправдан и имеет место в те исторические эпохи, когда возникает и усиливается вопрос о взаимоотношениях общества и личности (особенно в кризисные или переломные моменты истории человеческого рода: эпохи Возрождения, Просвещения и социалистической революции в России в XX веке). Прогрессивные представители выделенных исторических периодов ставили на первое место вопрос о воспитании гражданина. Можно утверждать, что воспитание есть целесообразное, произвольно направляемое взросление ребёнка в социокультурном (духовно-практическом) пространстве человеческого общения. В более широком смысле под воспитанием можно подразумевать любое сознательно планируемое влияние на личность или на группу людей любого возраста на интеллектуальном, нравственном или эстетическом плане.

Анализ первоисточников показал, что заслуга А.С. Макаренко заключается ещё и в том, что впервые в мировой истории появилась воспитательная система, в основу которой были заложены общечеловеческие ценности. Учёные признают, что элементы всемирно признанной макаренковской воспитательной системы имели чётко выраженную аксиологическую направленность. Не останавливаясь на размахе данного явления, проанализируем аксиологическую направленность некоторых элементов воспитательной системы А.С. Макаренко, которые позволили педагогу воспитать трудолюбивую, свободную личность.

Известно, что воспитательная система А.С. Макаренко рождалась на руинах гражданской войны. В «Педагогической поэме» Антон Семёнович признавался, что он с пятнадцатилетним дореволюционным учительским стажем был не в состоянии справиться с первыми колонистами с бандитскими наклонностями. Все личные беседы и бесконечные уговаривания не давали результата — колония всё больше превращалась в малину. «Первые месяцы нашей колонии для меня и моих товарищей, — писал А.С. Макаренко, — были не только месяцами отчаяния и бессильного напряжения, — они были ещё и месяцами поисков истины. Я во всю жизнь не прочитал столько педагогической литературы, сколько зимою 1929 года. <...> У меня главным результатом этого чтения была крепкая и почему-то вдруг основательная уверенность, что в моих руках никакой науки нет и никакой теории нет, что теорию нужно извлечь из всей суммы реальных явлений, происходящих на моих глазах. Я сначала даже не понял, а просто увидел, что мне нужны не книжные формулы, которые я всё равно не мог применить к делу, а немедленный анализ и немедленное действие.

Нас властно обступал хаос мелочей, целое море элементарнейших требований здравого смысла, из которых каждое способно было вдребезги разнести всю нашу мудрую педагогическую науку»¹.

Анализируя данную ситуацию, в которой оказались А.С. Макаренко и его соратники зимой 1920–21 г., Я.С. Турбовской сделал важный вывод о том, что «педагогу Макаренко, трагично убедившемуся в ничтожности книжного знания и полной беспомощности своих увещеваний, пришлось признать, что ни его прошлый жизненный и педагогический опыт,

¹ Макаренко А.С. Педагогическая поэма. Полная версия / А.С. Макаренко; сост., вступ. ст., примеч., коммент. С.С. Невская. — М.: Издательство АСР, 2018. — С. 39. (Выделенный курсивом текст восстановлен по архивным источникам.)

ни его официальная должность в глазах этих юношей ровным счётом ничего не значит и кроме уничтожающего смеха и наглого пренебрежения ничего вызывать не могут. <...> Следовательно, единственно необходимым выводом, к которому пришёл педагог Макаренко, было осознание фундаментально первоочередной значимости **не формальных, а взаимно заинтересованных отношений** между ним и определённой частью воспитанников. Теми, кого он впоследствии назовёт очень точным, но бесконечно скомпрометированным словом “актив”»².

Анализ документальных источников показал, что с первых дней работы с малолетними правонарушителями в Колонии им. М. Горького А.С. Макаренко поставил перед своими коллегами две конкретные воспитательные задачи: 1) дать колонистам образование, в том числе и трудовое, 2) развить морально взрослую личность, способную жить в обществе после выпуска из колонии (коммуны).

На осуществление этих целевых задач были направлены все действия и силы педагогического коллектива.

У Макаренко практическая направленность воспитательной работы превалировала, поскольку, по мнению педагога, нельзя построить серьёзную воспитательную систему (и педагогику как науку), ориентируясь на моральную проповедь — типичный способ воспитания для многих представителей народного образования. Также пагубно использовать трудовое воспитание как неэффективное (пустое, без воспитательной цели) средство, не приносящее никакого морального и личного роста воспитаннику.

² Турбовской Я.С.А.С. Макаренко — создатель научной теории воспитания. — М.: ФГБНУ «Институт стратегии развития образования РАО», 2018. — С. 26, 31. Автор рассуждает далее: «Для человека Макаренко трагичность ситуации проявилась в том, что “реальная жизнь”, “педагогика”, “воспитание”, “люди и отношения между ними” — это то, что ему, как оказалось, совсем не известно и что представляет собой особый мир, о существовании которого ни плеяда великих педагогов, ни его коллеги, но он сам даже не догадывались и в существование которого даже поверить не могли.

И именно эта «детская колония для правонарушителей» как геологический пласт обнажила истинную сущность социального бытия, полностью избавленного от какого бы ни было мифотворчества, умозрительной рефлексии и веры в преобразующую силу призывов “к светлому будущему”. Эти дети в сути своей были намного взрослее, чем он, знали о жизни такое, о чём он не всегда даже мог догадываться, и самое главное, они в этом страшном ужасе — жили. Ярко, увлекательно, с азартом. И именно такая жизнь их не только устраивала, но была настолько единственно необходимой, что о размеренном, подчиняющемся определённым требованиям распорядке и речи не могло быть.

Добровольно, без насильственного принуждения эти приверженцы грабежа на дорогах ни при каких обстоятельствах не хотят и не захотят на это согласиться. И то, что им предлагала его колония ни в какое сравнение не шло с ценностями того мира, в котором они с таким эмоциональным упоением не только уже жили, но — единственно — хотели жить.

И педагог-Макаренко всё больше начинал с горечью осознавать, что придётся прекратить этот казавшийся таким важным и реально осуществляемым “эксперимент”. <...> Но начинался новый день, и педагог Макаренко, забывая о своих ночных мыслях, мучительно пытается не перевоспитывать, а чисто по-человечески спасать этих детей — как это ни странно, в первую очередь от самих себя, от тех ценностей, которые были им единственно дороги, от той жизни, которая им казалась увлекательной и интересной. Но достойной человека не была.

<...> Для Макаренко же — руководителя вверенной ему государством колонии — **никакого тоннеля не было**, а только беспросветная темень, бездорожья и, — на ощупь — стена, которую не сдвинуть.

И если бы не гений педагога, его проявившаяся способность увидеть за поступком конкретного человека не только мотивацию и интересы, которыми он лично руководствовался, но и **суть и принципиальное различие реальных взаимоотношений** в той, казалось бы, социально однородной группе, к которой он себя относил, ничего особенного и педагогически важного бы не произошло.

Может быть, именно эта проявившаяся способность стала основой для создания действительно бесценного для человечества педагогического опыта?

<...> И поэтому у него, ни на минуту не забывающего о стоящей перед ним цели, хватило ума, выдержки, концентрированной наблюдательности, чтобы не только увидеть за монолитной спаянностью **группы его воспитанников** её жёсткую иерархичность, но и постигнув суть законов, определявших и внутренние межличностные отношения, и **различие эмоциональных состояний каждого**.

Действительно, Макаренко сумел не только понять, что в этом жёстко иерархическом мире им живётся **по-разному**, но и буквально “увидеть”, кто и как относится ко всему происходящему **не вокруг него и них, а — между ними**. И — конечно! — что есть среди них и те, кто с трудом выносит жёсткую несправедливость этих отношений и активно хотел бы их изменить.

Благодаря этому открытию педагог Макаренко получил возможность по-новому, на понятном каждому из них языке, добиваться самого главного — не только находить среди них союзников, но, и стать признаваемым выразителем интересов тех из них, кто на себе испытывает болезненно унижительную несправедливость сложившихся отношений.

<...> Он получил возможность **влиять на конкретных подростков**, для которых он — буквально ещё вчера — был ничем и никем. И с этого мгновения педагог Макаренко получил реальную, предоставленную самой жизнью возможность **руководить** этим учебно-воспитательным учреждением. Педагог Макаренко впервые приблизился к своему открытию, суть которого на первом этапе состояла в том, что **педагогическое воспитание как целенаправленная деятельность — не подготовка к будущей жизни, и не сама жизнь во всех её социально спонтанных проявлениях, а организуемая среда**, в которой господствуют — в полном смысле этого слова — необходимые каждому и каждодневно создаваемые каждым, но **подчиняющиеся определённым правилам — межличностные отношения**.

Именно — и в этом было великое педагогическое открытие — **межличностные отношения**. Не коллективные, не производственные, не общественные, а — только и единственно — **межличностные**.

И не теоретическое осознание значимости цели, и не стремление к желаемому “будущему”, а ощущаемая конкретным подростком необходимость избавиться от тотального насилия столь же конкретных ребят позволила Макаренко приобрести активных помощников в решении поставленной перед ним самой жизнью задачи. Без их активной поддержки о каком-либо воспитательном успехе и говорить было бы нелепо» (С. 26–31).

А.С. Макаренко считал разумным такое воспитание, которое позволяло бы всем раскрывать свой личный творческий потенциал. А.С. Макаренко строит воспитательную систему, ориентируясь на воспитательный трудовой коллектив и детско-взрослое самоуправление.

Воспитательный *трудовой коллектив и детско-взрослое самоуправление* развивались поэтапно. Коллектив (и особенно первичный коллектив) исполнял следующие важнейшие воспитательные функции:

1) способствовал адаптации личности к новому месту обитания (формировал нормы ценностно-значимого поведения, традиции, правила и т.д.);

2) создавал у каждого колониста чувство личной защищённости личности (на высшей стадии развития коллектива в первичных разновозрастных отрядах старшие заботились о младших, несли за них ответственность);

3) более взрослые члены коллектива передавали опыт другим менее опытным колонистам.

Сформулированные выше воспитательные функции позволили А.С. Макаренко и его коллегам направить свои силы на образовательные цели. В едином коллективе воспитателей и воспитанников работали общие согласованные заранее воспитательные цели и задачи, которые регулировали жизнь всего учреждения.

По мере развития или «торможения» перечисленных выше функций воспитанники имели право переходить от одного первичного коллектива в другой. Такое право создавало лучшие условия для полноценного развития личности. Следовательно, первичный коллектив выполнял как воспитательные функции, включая психологические, так и социализирующие: ребёнок привыкал к условиям общежития своего нового сообщества. Эффективное детско-взрослое самоуправление создавало для каждого воспитанника условия для формирования управленческих качеств.

А.С. Макаренко, организуя самоуправление в коллективе, задействовал и другие чрезвычайно важные воспитательные функции, которые положительно влияли на правильное развитие психологических и физических способностей колонистов. Он утверждал, что человек должен быть активным, но активность должна иметь свои специфические черты, главной из которых являются организаторские способности. Объединяя «взрослые» виды деятельности и азартные черты характера колонистов, А.С. Макаренко возложил на них обязанности и ответственность по хозяйственной части. Он всё сделал для того, чтобы дети могли почувствовать себя хозяевами своей жизни и жизни всего коллектива колонии и несли за это ответственность. На эту сторону практической деятельности великого педагога-психолога и указывает в своей последней работе Я.С. Турбовской. Такой подход позволил действовать колонистам по следующим трём векторам:

а) нести ответственность — значит отвечать за других и за себя;

б) воспитанник начинает понимать свою роль и значимость для коллектива, учится нести за него ответственность;

в) воспитанник подвергается воздействию положительных эмоций, хорошего эмоционального настроения всей колонии, то есть тому, что педагог называл «мажором».

Воспитательный трудовой коллектив и детско-взрослое самоуправление постепенно наращивали свой человеческий потенциал. А.С. Макаренко понимал, что ведение хозяйства и ответственность за него предполагали планирование очень сложных действий, прогнозирование ближайшего и дальнейшего будущего. Педагог на практике убедился, что в хозрасчёте как наилучшем воспитательном средстве скрывается и система перспектив, которая представляет собой главное условие для психологического развития воспитанников. Главная роль в выборе будущей перспективы, считал Антон Семёнович, принадлежит именно эмоциям, которые испытывает личность «по отношению к тому или иному сценарию своего психологического будущего» (А.Л. Носаль). Напомним, что

система перспективных линий (близкие, средние и дальние перспективы), разработанная А.С. Макаренко, давала возможность каждому воспитаннику представить себе удалённое во времени желаемое событие (перспективу) — ценностные ориентиры своей будущей жизни и любимой профессии. И это увеличивало напряжённость ожидания и сужало «сознание в направлении реализации желаемого события»³.

Психологи отмечают, что воспитанник, разделивший с другими определённые перспективы, подвергается «эмоциональному разряду»; он старается реализовывать именно ту перспективу, ту цель, которая стояла перед каждым из членов коллектива. В процессе перспективного видения своего будущего и происходит формирование личности. Воспитанники идентифицируются со своим новым образом «Я» и происходит исправление их поведения как в личностном, так и в социально-общественном плане.

Воспитывая коллектив, создавая традиции, выстраивая гуманные отношения в колонии/коммуне, А.С. Макаренко добился того, чтобы в психике воспитанника формировались правильные, социально принятые ценностно-значимые мотивы поведения и вытеснялись отталкивающие старые, криминогенные установки. В этом и заключается аксиологическая направленность воспитательной системы А.С. Макаренко. Сегодня наиболее актуальной является проблема воспитания ценностно-значимых мотивов поведения молодого поколения, их ответственности за себя и свою страну.

³ См.: Носаль А.Л. Проблема воспитания и развития личности в практико-теоретической деятельности А.С. Макаренко (психологическое время личности)». Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата психологических наук. — М., 1999.

